

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗЫ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Со временем каждому писателю назначают свое место в литературной иерархии. Валентина Распутина еще в 1970-е годы включили в число классиков русской литературы XX века, т. е. определили его повести и рассказы «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Уроки французского», «Век живи – век люби», «Что передать вороне?» в качестве нормообразующих для русской культуры.

Конечно, определение сущности классического наследия со временем меняется, но в случае писателя, продолжающего творческую деятельность, чьи лучшие, по мнению экспертного сообщества, произведения были написаны относительно недавно, обычно опираются на так называемые «обоймы», которыми пользовались критики при первичной стратификации только что появлявшихся текстов. Распутинский «Последний срок» побудил безоговорочно отнести тексты писателя к так называемой деревенской прозе, а его самого назвать одним из лидеров этого авторитетнейшего в свое время литературного направления.

Одной из характерных черт «деревенщиков» неизменно называют элегический пафос их текстов, поскольку в них говорится о преимуществах предшествующего жизненного уклада перед настоящим, о постепенном уходе из жизни носителей идеальных национальных черт и отсутствии замены им в обществе [1]. В этой характеристике сходились, пожалуй, все, кто сколько-нибудь обстоятельно рассуждал о литературном процессе того времени. В документах КПСС звучали упреки неназываемым, правда, авторам в «идеализации патриархальщины» [2, с. 24]. Читателям не составляло труда догадаться, что имеются в виду в том числе и писатели-«деревенщики». Критика легко вписывала Распутина в парадигму «певцов прошлого» или даже – со второй половины 1980-х годов – «ретроградов» (См. об этом, например: [3]). Собственно, во многом именно по текстам Распутина, как и других писателей-«деревенщиков», интеллигенция проводила своеобразную реконструкцию «глубинных основ нравственности», «исконного» «духовного мира» народа.

Не касаясь сейчас проблемности подобного рода оценок и реконструкций, обратим внимание, что та же критика всегда отмечала: хотя в повестях и рассказах Распутина главные персонажи много вспоминают, цели воссоздавать точный образ той или иной конкретно-исторической эпохи писатель перед собой явно не ставит. Даже в «Живи и помни», где фабульная коллизия основана на житейских обстоятельствах перио-

да Великой Отечественной войны, содержание текста оказывается гораздо шире рассказа о жизни деревни Атамановки 1945 года.

«Певец прошлого», носитель «духа прошлого», который, собственно, об этом самом прошлом не пишет, – этот парадокс обычно не обсуждался: осмысление произведений писателя в общем контексте «деревенской прозы» позволяло достраивать отношение Распутина к коллективизации по Василию Белову, послевоенному порядку – по Федору Абрамову, дополнять художественные тексты писателя публицистическими его выступлениями и т. п. Вряд ли имеет смысл сегодня упрекать в этом критиков: они анализировали на глазах становящийся массив творчества, погруженный совсем в другие актуальные контексты.

Мы сегодня рассматриваем книги Распутина в ином масштабе и кардинально иной ситуации и можем со всем основанием говорить, что классические тексты писателя посвящены были не столько прошлому, сколько будущему. Будущему России и – шире – патриархальной цивилизации. Точнее сказать, отсутствию у них умопостигаемого будущего.

Из иного времени более или менее отчетливо видно, что важнейшими коллизиями XX века были не только конфликт между социалистической и капиталистической доктринами или противоречие между авторитарной и либеральной системами ценностей, но и прямое столкновение двух типов цивилизаций: современной и патриархальной, а также осуществление/неосуществление возможности реализации так называемого проекта Просвещения. Крестьянская, т. е., по определению, патриархальная Россия оказалась в эпицентре этого конфликта: советское государство реализовывало один из самых радикальных вариантов просветительского проекта, своего рода эксперимент, предполагавший обязательное навязывание всему населению неких единых, именованных передовыми, норм существования. Облеченный в специфическую форму Советской власти этот проект вступил в глубочайшее внутреннее противоречие с традиционалистскими установками подавляющей части населения, со всем укладом российской жизни и потребовал для своей реализации крайних и жестоких мер, приобретших только во второй половине двадцатого века хотя бы внешне более мягкие формы. Впрочем, эта кажущаяся мягкость не помешала завершить уничтожение сначала основы патриархального общества, а потом и самого государства-экспериментатора.

Распутин принял на себя сложнейшую обязанность зафиксировать заключительный этап этого распада, показать ужас и грандиозность происходящего, побудить общество со всей серьезностью и ответственностью пережить и прочувствовать масштаб этого события. При этом он выбрал, может быть, самый непростой путь осмысления проблемы: не через рассказ о «перегибах» советской власти на разных этапах ее

развития, не через изображение явного запустения обезлюдивших деревень и отчаянных попыток приспособиться к чужой и чуждой городской жизни тех, кто эти деревни покинул. Писатель показывает, как человек с патриархальным сознанием, столкнувшись лицом к лицу с новой жизнью, сопротивляется, шаг за шагом меняется, не выдерживает, погибает, а вместе с ним навсегда уходит мощный пласт человеческой культуры.

Наращение финалистского мироощущения в творчестве писателя отмечали многие профессиональные и непрофессиональные читатели Распутина. Мотивы «прощания», образ «последнего срока» доминируют в зачинах и финалах классических повестей Распутина. «Последний срок»: «Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде приспело: старухе было под восемьдесят» [4, с. 397] – «Ночью старуха умерла» [4, с. 555]. «Живи и помни»: «Зима на 45-й, последний военный год в этих краях простояла сиротской...» [4, с. 199] – «После похорон собрались бабы у Надьки на немудреные поминки и всплакнули: жалко было Настёну» [4, с. 393]. «Прощание с Матёрой»: «И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матёры, для острова и деревни, носящих одно название» [4, с. 13] – «В раскрытую дверь, как из разверстой пустоты, понесло туман и послышался недалекий тоскливый вой – то был прощальный голос Хозяина» [4, с. 195]. От смерти одного человека, от поминок по самоубийце до предсмертного воя неведомого мистического существа, которое последним остается на своей обреченной на гибель земле, – такова логика писателя.

Что неизменно фиксирует Распутин? Знаки распада прежнего мира, исчезновение которого является трагедией для героев и должно стать после прочтения книги трагедией для читателя. Не потому, что уходящая жизнь была как-то особенно комфортна. Это слово из принципиально другого лексикона. Деревенская жизнь в изображении Распутина лишена какой бы то ни было идилличности. Драматичные судьбы мужчин и женщин с бесконечной нелегкой работой, ранним вдовством и сиротством, скудостью быта, недоеданием свидетельствуют как раз о тяжести повседневного российского существования. Крестьянская доля всегда была нелегкой, работа тяжелой, минуты отдыха редкими, радости мимолетными.

Но у этого мира в изображении Распутина существовали два неоспоримых преимущества. Во-первых, традиционная крестьянская жизнь при всех ее драматических закономерностях и трагических случайностях была упорядоченной, устоявшейся, а значит, освященной временем и авторитетом предшествующих поколений, которые не одно десятилетие формировали и шлифовали ее правила. Тем самым предки

упростили жизнь потомкам: тем понятно, что значит преступление, а что искупление, что надо делать в жизни и как из нее уходить. Защищенные чужим, завещанным родителями опытом, обитатели патриархального мира жизни не боятся и до поры до времени чувствуют себя в ней нелегко, но уверенно.

Кроме того, традиционная деревенская жизнь, какой бы убогой в материальном отношении она нам из другого времени ни казалась, была соразмерна человеку. Речь идет не об умении довольствоваться малым – хотя и это тоже немаловажно, но об ощущении важности собственного вклада в общее течение мироздания, о наличии навыка обстоятельного неспешного существования. «Жить бы да жить в эту пору, поправлять, окрест гляючи, душу, прикидывать урожай <...> Ждать сенокоса, затем уборки, потихоньку готовиться к ним и потихоньку же рыбачить, поднимать до страдания, не надсажаясь, подступающую день ото дня работу – так, выходит, и жили многие годы и не знали, что это была за жизнь» [4, с. 61].

Казалось бы, этот мир, удобный для его обитателей и соразмерный им, может благополучно неторопливо развиваться себе дальше. Живущие на просторах огромной страны, вдали от больших городов, на островах посреди мощных рек обитатели матер и атамановок самодостаточны и, как кажется, особенно не нуждаются в связях с внешним миром. Жизнь их внутренне наполнена, имеет для них очевидный личностный и надличностный смыслы. Герои Распутина серьезны, потому что заняты сущностно важными делами: переходят из возраста в возраст, рожают и растят детей, обихаживают свою землю, встречают новых людей и провожают уходящих. Человеческая жизнь понятно для всех них определяется ответственностью перед прошлым и будущим за передачу накопленного жизненного опыта.

Матёра – это их судьба: «Вам ее старшие поручили, чтобы вы жисть прожили и младшим передали. Они ить с вас спросят. Старших не боитесь – младшие спросят» [4, с. 109]. Герои живут в ситуации более или менее глубокой, но постоянной и обязательной рефлексии-отчета перед не ими установленным жизненным порядком. Это своего рода постоянная самопроверка: так ли живу? то ли делаю? Прощаются ли со своими домами Дарья или Настасья, ведут ли последний разговор подруги Анна и Мирониха, размышляют ли героини о своих бедах – всегда человек понимает свое место в прошлом, настоящем и будущем. Они точно знают, что могилы предков без призора оставлять нельзя: «Если мы кинули, нас с тобой не задумаются кинут <...> О-ох, нелюди мы, боле никто» [4, с. 154].

В этом мире нет показных добродетелей, прикидываться более значительным, умным или успешным не перед кем – жители деревень зна-

ют цену друг другу, сообразные порядку поступки совершаются для себя, по велению собственной души, только чтобы не попасть в число нелюдей, «дожить без позору» [4, с. 31]. Приученные постоянно держать ответ перед «ратью» предков и непостижимым, но правильным, с точки зрения героев, порядком вещей, они исправно выполняют и свои обязанности перед далеким государством, не только обихаживая доставшуюся им от предков часть земли, работая в колхозах, но и поставляя ему необходимое количество людей для войны и работы вне родной деревни.

Казалось бы, ситуация такого негласного договора должна устраивать обе стороны. Но Распутин последовательно – из текста в текст – показывает глубинную и все нарастающую внутреннюю непрочность общества. Постепенно и незаметно назревает конфликт между государством и крестьянами-работниками. Вину за это Распутин возлагает не на крестьян. Они работают не за страх, а за совесть. Они умеют, как мечтал бывший крестьянин Александр Твардовский, «сурово спрашивать с себя, с других не так сурово». Эти люди привыкли рассчитывать на себя в выполнении требований общества, повинуюсь только непреложным для них негласным правилам общежития и мироустройства. Им не нужны подсказки и руководство извне; опыт, достаточный для жизни, передается в деревне от человека к человеку. Настёна из «Живи и помни» в состоянии сама справиться с дилеммой: как остаться женой, верной внутреннему долгу перед мужем, и хорошей гражданкой. Ситуация, казалось бы, неразрешима: муж дезертировал, молодая женщина не может и в то же время обязана на него донести. Однако Настёна молча взваливает на себя чужую вину, решив отдать государству то, что муж недовоевал, неподъемным для нее заемом, отработать, откупить дезертирство мужа. Такая самостоятельность свойственна всем лучшим распутинским героям. Ни Анна, ни Мирониха, ни старухи Матёры не нуждаются в государственном голосе из репродуктора – им достаточно полученного ими от старших опыта – «голосов» своей семьи и соседей.

Драма жизни героев состоит в том, что к подобной их самостоятельности государство не готово. Его задача – направлять и организовывать, оно требует послушания и единства действий. Оно вмешивается в жизнь каждого человека и настаивает на подчинении, как сегодня бы сказали, проектам, идущим вразрез с природными и человеческими возможностями. Государством предлагаются, на первый взгляд, простые удобные схемы, которым легко следовать. Когда идет война, мужчины должны воевать на фронте; если человек дезертировал, по каким бы причинам это ни произошло, он преступник, и члены семьи обязаны выдать его государству, чтобы оно покарало оступившегося своего гражданина. Чтобы жизнь стала богаче, надо развивать промышлен-

ность, значит, промышленности нужно электричество, значит, необходимо строить ГЭС, а для этого придется затопить остров, предварительно выселив с него людей. О людях позаботились – им построили дома на новом месте. В схемах есть своя логика, обитатели деревенского мира способны ее понять, но они не готовы ее принять. Нормальному в понимании сибирской патриархальной деревни, т. е. самостоятельному и ответственному человеку в этих схемах место не предусмотрено. Любой случай, на который обращает пристальное внимание читателей Распутин, показывает богатство живой жизни, подрывает схемы изнутри, поскольку никаких запасных путей решения проблем в спланированном развитии не предусмотрено.

Всепроникающее государство с такой точки обзора – это слепая безличная сила, необъяснимая, мощная и непреодолимая. С ним связаны кардинальные изменения жизненного уклада, непонятные человеку. «Перемогая любые времена и напасти» [4, с. 17], трехсотлетняя «деревня на своем веку повидала всякое» [4, с. 16]: и бородатых казаков, и арестантов, и колчаковцев, и наводнения, и «пожары, голод, разбой» [4, с. 17], но жизнь никогда не сталкивала ее – Богом созданную землю – с возможностью в прямом смысле слова конца света – затопления.

Конец света неизбежно наступает для каждого нового поколения, и отличаются они только степенью стоицизма, с которым его встречают. Распутинские старухи – мужественные люди, готовые глядеть правде в глаза и трезво оценивать свое место в мире. Они спокойно относятся к смерти, потому что она – часть жизни. Но смерть Матёры – не результат трагической случайности, но рукотворное уничтожение, как объявлено, во имя будущего, сулящего невиданные блага человечеству. Деревня кем-то где-то объявлена «хламьём» [4, с. 18] и должна быть предана огню и воде. «Хламьё» – и это для Распутина принципиально – это живые люди, каждый, будь то Богодул, «московишна» Сима, Егор, Катерина, Настасья, со своей непростой жизненной историей, сложившейся системой взглядов. Деревенская жизнь – сложно организованный социум со своими идеологами и отступниками, лидерами и аутсайдерами. Однако душевная жизнь людей, отношения между ними государству неинтересны; для него они «граждане затопляемые», внимание к которым исчерпывается предоставлением права выбора места жительства: дом престарелых – квартира в чужом городе или совхозный дом.

Сила героев Распутина в том, что они, сколько в силах, продолжают жить будто бы помимо самых невероятных государственных решений. Жители Матёры подчиняются неизбежному выселению с острова, но, не сомневаясь, бегут, например, спасти кладбище от разорения. Писатель помещает своих героев в самую страшную для них ситуацию: привычный им мир рушится, они стоят на его страже, осознавая свое

бессилие, испытывая отчаянье, в прямом смысле слова умирая на боевом посту, в который превращаются для них родной дом, река, лодка, остров, страна. Речь в классических произведениях Распутина всегда идет об обыденной повседневности, пусть – в соответствии с сюжетом – резко нарушенной, но остающейся для героев прежней в своей обстоятельности, полноте, размеренности жизни. Они с достоинством противятся вторжениям в их жизнь, стараются минимизировать духовные потери, соблюдать грустные, но приносящие в их жизнь смысл обряды.

Распутин показывает мощь характеров, ума, воли, здравого смысла носителей патриархального сознания. Распутинские старухи – люди прочной культуры, обладательницы уникального для наступающих времен капитала – идеального народного воспитания, подкрепляемого образом жизни. Но культура, выращенная в деревне, делающая ее носителей сильными, мудрыми красивыми людьми, не может передаваться дальше: «Нонче свет пополам переломился: евон чё деется! И по нам переломился, по старикам...ни туды мы, ни сюды. Не приведи господь! Оно, может, по нам маленько и видать, какие в ранешнее время были люди, дак ить никто назад себя не смотрит. Все сломя голову вперед бегут. Запыхались уж, запинаятся на каждом шагу – нет, бегут...» [4, с. 37].

Однако неотвратимая трагедия страны в том, что сила ответственности самостоятельности существует только у людей старой закалки. Старухи остро чувствуют, что происходит самое страшное – формируется непреодолимый разрыв между поколениями, между людьми, но у них уже нет сил что-то изменить. Прошлая жизнь их, нажитый опыт как будто утрачивают значение, переходят в область воспоминаний, преданий, легенд. Распутин не облегчает героям ситуацию: эти предания некому рассказывать.

Люди редкостных душевных качеств остаются без наследников. Лучшие из среднего поколения, такие как, например, Павел Пинигин, не сопротивляясь, принимают бессмысленные требования государства, хотя их продолжает заботить насущное: почему человек ради малого удобства создает большое неудобство, «не переплачивает ли?» Павел – добрый человек, способный испытывать сострадание, глубоко чувствующий. Он понимает и радость жены, получившей новый благоустроенный дом, и отчаянье матери, для которой нет жизни вне Матёры; ему внятны обоснованность мечтаний сына о новой жизни и опасность его нерассуждающего энтузиазма. По идее, спасение России – в таких людях, как Павел; на них, как многие десятилетия прежде, может и дальше держаться деревня. Но они изнурены – это слово неоднократно возникает у Распутина – новым укладом, сломом привычной жизни, раздражением близких, непонятными требованиями государственных людей. Новая жизнь «над им верх взяла, она с его требует, чё хочет, погоном его погоняет» [4, с. 117], – рассуждает Дарья, его мать, привычно

оправдывая сына: «Не хозяин себе Павел. <...> подхватило их всех и несет, несет куда-то, не давая оглянуться... своим шагом мало кто ходит» [4, с. 129].

Прошедшие войну, вроде Павла, были воспитаны для одной жизни, а существовать им приходится в другой. В новом образе жизни есть «облегченность», но от этого «себя чувствуешь как-то не на весь свой вес, без твердости и надежности» [4, с. 79]. Среднее поколение успокаивает себя: «Вырулим. Обтерпимся, исхитримся. Где поддадимся маленько, где назад воротим свое» [4, с. 112]. «Потихоньку да помаленьку жизнь притрется, человек приспособится, иначе не бывает» [4, с. 80], – рассуждает Павел, но перелом посреди жизни лишает его сверстников уверенности в правоте усвоенных ими жизненных правил. Опыт стариков перестает работать, это «изнуряет» детей и лишает родителей возможности счастливой старости. «И кажется Дарье: нет ничего несправедливой в свете, когда что-то, будь то дерево или человек, доживает до бесполезности, до того, что становится оно в тягость; что из многих и многих грехов, отпущенных миру для измольенья и искупленья, этот грех неподъемен» [4, с. 45]. В мире, где «песни запоминают по радио» [4, с. 45], старики не нужны ни обществу, ни сами себе.

Происходит кардинальная смена жизненных ориентиров, на смену честным труженикам и слабеющим старикам приходят «слуги государства» и пожогщики-«архаровцы» – слепые исполнители «проектов» да безответственные искатели случайных заработков. И те, и другие изображены у Распутина как люди равнодушные, утратившие «любовь к родному пепелищу, любовь к отческим гробам». Для них Матёра – место реализации проекта, зона затопления, пространство для чужих, сторонних глаз: кладбища надо жечь, потому что туристы поплывут по морю, и им будет неприятно видеть кресты и прочие предметы утлого существования тех, кто когда-то жил на этой земле.

Но вместо туристов приходят архаровцы. Коренные обитатели с земли изгнаны, другим эта земля не дорога и не нужна. В итоге живое покидает мир, мертвое остается жить. Иннокентий Иванович, формальный праведник и борец за справедливость, организатор преследования Настёны, торжествует. Приходит пора безнаказанности, губительного пренебрежения основополагающим в народной жизни. Вот писатель и фиксирует, что прежний мир еще стоит, но уже началось его невидимое миру разрушение. «Та Матёра и не та: <...> всё пока в жизни, в действии, по-прежнему голосят петухи, режут коровы, трезвонят собаки, а уж повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода. Всё на месте, да всё не так» [3, с. 15]. Разрушение быстро меняет привычную картину: «Всё на месте, да все не так: гуще и нахальнее полезла крапива, мертво застыли окна в

опустевших избah и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтобы сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним» [4, с. 15–16]. Начавшийся распад необратим. «Всё, что недавно еще казалось вековечным и неподатным, как камень, с такой легкостью помчало в тартарары – хоть глаза закрывай» [3, с. 25].

Самой сильной стороной Распутина было, конечно же, то, что для выражения своих мыслей он нашел удивительный по плотности и силе символический язык. Писатель серьезно и жестко разговаривает с читателями о них самих, о мире, в котором они живут, при этом давая им возможность размышлять о сложнейших проблемах через страшные, но приемлемые для сознания, удобопонимаемые образы. Распутин – мастер крепких сюжетов, за трагическим развитием которых читатель следит, не отрываясь. Типичная фабула деревенской прозы – «смерть праведника» – разворачивается перед нами в нескольких вариантах, каждый раз приобретая все более значительный масштаб. Умирает, устав от жизни, старуха Анна. Кончает жизнь самоубийством, отчаявшись выбраться из западни не соответствующих друг другу государственных и патриархальных требований, Настёна Гуськова. Остаются на острове перед лицом будущего, predeterminedенного государством, материнские старухи.

Распутину свойственно ощущение трагической перспективы. Он, как мало кто ощущающий мощь крестьянской культуры, в итоге говорит о явном оскудении возможностей народа, который миллионами жизней тратил себя в войнах, репрессиях, выполнении скоропалительных государственных планов. Если в середине века для кардинальной ломки мироустройства была необходима, по крайней мере, война, то ближе к последней четверти – только чья-то анонимная воля, разрушающая жизни тысяч людей.

Повести Распутина не случайно стали классическими, т. е. выражающими важнейшие общественные смыслы, когда ему удалось в своих повестях выразить противоречие между патриархальными ценностями и новым укладом жизни. «Художника можно сравнить с проводником, указывающим не приблизительные, а правильные пути. Это уж дело публики – следовать или не следовать им, но художнику неплохо бы знать их безошибочно», – в 1990 году говорил Валентин Распутин в диалоге с И. Толстым, названным «Из проклятья ничего не добыть...» [6]. Задача писателя, как ее понимает Распутин, высказаться за народ. Сделать это невероятно сложно, во-первых, из-за ответственности, ко-

торую писатель на себя принимает, во-вторых, из-за неготовности общества услышать то, что ему предлагают услышать.

Начиная с конца 1960-х годов, Распутин создает единый текст, скрепленный общностью проблематики и мотивики. Свойственное ему отчетливое ощущение грядущих опасностей вначале было «утоплено» в напряженной фабуле, но постепенно проступило в неизменной системе персонажей, в сходных коллизиях, в постоянных размышлениях об одном и том же. Наконец, в переходе от скрыто проявленной позиции к прямому высказыванию. Когда разрушительные тенденции в обществе стали явными, Распутин в «Пожаре», отказавшись от традиционного для него филигранного разворачивания психологии героев, буквально прокричал, что главная общественная опасность – нашествие «архаровцев», распад традиционных моральных ценностей, но в тот момент обществу казалось важнее решать более очевидные проблемы, вроде восстановления истории политических репрессий советской власти или насущных проблем нехватки еды, чем вникать в проблемы нечеловеческой усталости, изнуренности жителей страны, выработанности человеческого материала, поиска необходимых людям веры и надежды. Опасности, которые Распутин видел, он многократно и четко проговаривал в публицистике, но критика больше огорчалась из-за того, что «слово художника» заменялось «прописями моралиста» [5].

Было бы большим преувеличением сказать, что имя Валентина Распутина сегодня входит в число самых заметных имен современного литературного процесса. Но каждый раз, когда надо показать значение русской литературы 1960–1980-х годов XX века, название текстов писателя всплывает с неизбежностью – а это дорогого стоит. Другое дело, что сложно признать: трагический прогноз Распутина оказался точным. Наглядно изображенный им кризис патриархальных ценностей, несовпадение целей человека и государства обернулись распадом страны, опасения по поводу нашествия архаровцев – радикальной сменой нравственных ориентиров.

«Чё нас без пути пужать? – спрашивала Дарья. – А чтоб непужаных не было» [4, с. 20]. Восхитившись мощью и точностью распутинской прозы, его социальным прогнозам не вняли. Жизнь значительной части современного российского общества напоминает картину, тоже уже однажды запечатленную Распутиным: «А постоянно оставались теперь в Матёре только старики да старухи, они смотрели за огородом и домом, ходили за скотиной, возились с ребятишками, сохраняя во всем жилой дух и оберегая деревню от излишнего запустения. По вечерам они сходились вместе, негромко разговаривали – и всё об одном, о том, что будет, часто и тяжело вздыхали, опасно поглядывая в сторону

правого берега за Ангару, где строился большой новый поселок. Слухи оттуда доходили разные» [4, с. 16]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Парте К.* Русская деревенская проза: светлое прошлое : пер. с англ. Томск, 2004.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 г. М., 1983.
3. *Соколова Л. В.* Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев) : автореф... дис. д-ра филол. наук. СПб., 2005.
4. *Распутин В.* Повести. М., 1976.
5. *Латынина А.* Слово художника и проповедь моралиста // Лит. газ. 1995. 6 сент.
6. *Распутин В.* «Из проклятий ничего не добыть...» / Беседа с И. Толстым // Диалог. 1990. № 4.

Н. А. Новикова

(Иркутск)

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. РАСПУТИНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Литературное творчество несет в себе национальный образ мира в той мере, насколько писатель способен воспринимать действительность «глазами своей национальной стихии» (Н. В. Гоголь). Произведения В. Г. Распутина в этом отношении представляют особый интерес. Исследователи находят национальные мировоззренческие истоки творчества писателя в общении с родной природой и в родном языке, в нравственных основах жизненного уклада русской деревни и в православной вере, в традициях русской классической литературы и в отечественной религиозной философии.

Однако, на наш взгляд, изучая творчество Валентина Распутина с точки зрения отражения в нем национального самосознания, нельзя обойти вниманием проблему его взаимоотношений с фольклорной традицией. Именно фольклор, по словам самого писателя, «более и полнее, чем что-либо другое, выявляет народную душу»: «без фольклора, без пропитанности им душевного состава, с которого начинается художник, серьезный творец состояться не может» [1, с. 227, с. 218].

Специальных исследований на эту тему на удивление немного. В известных нам источниках можно условно выделить несколько различных методологических подходов к проблеме.

Ряд работ, в основном относящихся к 1970–1980-м годам, демонстрируют достаточно распространенный в советской фольклористике метод изучения «фольклоризма» творчества писателя через описание его сознательных заимствований из устной традиции на уровне «этно-